

Международная поэтическая премия «Образ» была учреждена в 2013 году одноимённым московским издательством под руководством известного поэта и издателя Эдуарда ПОБУЖАНСКОГО.

Ежегодно оргкомитет премии рассматривает более трёхсот конкурсных подборок, отбирает пятьдесят лучших, и они получают статус номинантов. Их стихи публикуются в ежегодном поэтическом альманахе «Образ». География авторов: Россия, Беларусь, Латвия, Казахстан, Узбекистан, Финляндия, Швеция, Франция, Чехия, Германия, Израиль, Великобритания, США, Канада и др. Особенностью премии является то, что победителей определяют сами конкурсанты, голосуя по протоколам в конце года.

Победителей ждут почётные дипломы, памятные призы (главный – «Большой хрустальный лебедь») и подарочные сертификаты на услуги издательства. За девять лет вышло более тридцати книг за счёт призового фонда премии.

Предлагаем читателям стихотворную подборку лауреатов и дипломантов премии «Образ» последних лет.

Андрей ИВОНИН,

Москва

ЧЕРНОВИК

Утро, похожее на черновик:
слово, ещё одно слово, пометка.
Комната, лестница, улица, арка,
выход во двор, переулок, тупик.
Годы... зачёркнуто. Счастье... зачёркнуто.
Будто с ног на голову перевёрнута
жизнь. Холодок от реки.
Кухонных диспутов крестики-нолики,
чайник на шатком, обшарпанном столике
пишутся с новой строки.
Где я? Забор в рыжеватой окалине.
Богом затерянный дом на окраине.
То ли Братеево, то ли Чертаново.
Всё переписано. Начато заново.

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ

– Человек человеку – бред, темнота и ад, –
он сказал. – Оглянись вокруг, если мне не веришь.
– Нет, – кричу, – человек человеку – сад!
Человек человеку – кит, океан и берег!

Человек человеку лето и тёплый дождь,
посмотри, как сверкает солнце в глазах и в сердце!
– То блестят ножи: человек человеку – нож
и удар под ребро от рождения и до смерти.

Человек человеку – рана, дыра и вой,
это волк в настоящем и будущем воплощенье.
Волк не может без стаи: покинувший стаю волк –
это бомж, это тень, он никто никому – кочевник.

Мы всего лишь осколки времени, пыль, стекло.
Мы разбитые зеркала и маршрут короткий.
– Нет, – кричу, – мы друг другу движенье, полёт, крыло!
И плечо, и надёжный плот, и весло, и лодка!

Даже если вот так – на грани и через боль,
даже если ушёл на дно, где темно и нemo, –
всё равно навсегда человек человеку – Бог.
Через смерть, через ад человек человеку – небо.

Людмила СВИРСКАЯ,

г. Прага. Чехия

ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ

«Зато не пью, – сказал он напоследок
И прошептал под нос себе: – Пока».
Стекали тени с мокрых чёрных веток,
И фонари глазами злых соседок
Глядели на него исподтишка.

Из дома вышел – бывшего, родного,
Где стул его пустует у стола,
Где тонкий, тёплый блин в сметане, снова
Налит горячий чай, и лист кленовый
Торчит из вазы белого стекла.

Он знать не знал, что свод небесный рухнет
Вот так, в один момент... Не удержал...
До слёз слепящий свет фонарный – тухнет,
Коль бывшей стала женщина на кухне
С последнего – шестого – этажа.

Ольга БЕЛОВА-ДАЛИНА,

г. Прага. Чехия

* * *

Сплошь полячка поморскою кровью,
я москвичка с увесистым стажем.
Но вот здесь мной с любовью посажен
куст смородины – как в Подмосковье.

Неказистый, кудлатый, он тоже
вдоль забора – пусть будет вдоль тына –
разрастётся однажды картинно
недалёко от Эльбы и Огржи.

Вот и я с этим краем – не вроде –
породнилась и корнем, и словом,
звуки-ритмы катая по строфам,
как горошины спелых смородин.

Алексей СЕРЁГИН,

г. Воронеж

БЕЗ СЛОВ

Не в последний раз разговор
О любви идёт, и кто надо – слышит.
Неровной походкой иду через двор
Туда, где совы, летучие мыши...

Иду неспешно туда, где нет
Непроходимой лесной чащи
И всюду среди деревьев – свет,
Куда невозможно глубже и чаще

Выдохнуть слово и слово вслед,
Вторя, вдогонку отправить за первым,
И лучше, что никого рядом нет,
Такой разговор неровный и нервный.

Шаг – это слово, полшага – вздох.
Резкий вдох и медленный выдох.
Слово за словом, пока не сдох
От неудавшихся жизни попыток.

О любви – в одиночку, совсем без слов
Разговор, в тишине, без объятий и встреч,
Где летучих мышей взамен и сов...
Тот, кто надо, – слышит мою речь...

Василий БУЙЛОВ,

г. Хельсинки. Финляндия

НЕФЕРТИТИ

В мраморной помпезности метро,
В блеске стен, слепящих позолотой,
Атакуют гулкое нутро
Толпы эскалаторной пехоты.
В сырости зияющей дыры,
Там, в ночи холодного туннеля,
Вновь пересекаются миры,
Сходятся людские параллели.
В плотно утрамбованный вагон,
В пестроту рекламы и граффити
Свежим ветерком в людской загон
С лёгкостью впорхнула Нефертити.
Хмурое слиянье лиц и тел,
Рамки человеческих картинок,
Поезд взвыл – и в бездну полетел,
Не щадя ни тел, ни дерматина.
Ты – не прислонившись, не устав –
В жаре тел, желающих размяться,
Мрачно распирающих состав,
В окриках дверей: «Не прислоняться!» –
Будто бы не едешь, а паришь...
Здесь, в подземке, в призрачном туннеле,
Всё слилось: Москва, Нью-Йорк, Париж –
Общие людские параллели.
Меришь эскалатор – сколько ж глаз
Связывают мысленные нити!
И спешит уже в который раз
Бодро по ступенькам Нефертити...

РАЗНОТРАВЬЕ

Если я твой покой нарушу,
Ты не сможешь меня забыть.
Я тебе обещала душу,
В ней растут чистотел и сныть,
У ручья земляника зреет,
И ромашка звездой зажглась,
А густой аромат кипрея
Опьяняет и дарит сладсть.

Ты любовью хотел согреться?
Не спеши, осмотришь, остынь.
Я тебе обещала сердце,
В нём ковыль, резеда, полынь,
В нём бушуют под ветром травы,
И выюнами завязан лён,
Ты свободой моей отравлен,
Ты в бескрайний простор влюблён.

Наши чувства порой жестоки
И хмельны, словно дикий мёд,
Я тебе обещала строки,
В них крапива, репей, осот.
Ты не думал, что будет плохо,
Но уже в разнотравье вдруг
Прорастает чертополохом
Неизбежная боль разлук.

Ольга АЛЕЙНИКОВА

НЕ ДОТЯНУТЬСЯ

Тихо плывёт в земляничный восход
Лунное блюдце.
Всё точно так же, как в детстве, а вот –
Не дотянуться.

Птицы, скучая, сидят на песке –
Даже без песен.
Хитрый узор на зелёном листке –
Неинтересен.

Ветер вспорхнул, и рассеял рассвет
Ночи усталость.
Сердце молчит и не дрогнет в ответ –
Отвосхищалось.

Нет от тоски у холодной земли
Верного средства.
Лучшее, что мы придумать могли, –
Родом из детства.

Старый закон в те простые года
Был непреклонен:
Где б ни споткнулся, ты падал всегда
Маме в ладони.

Вот и теперь не обманет тебя
Детская память,
Тех воскрешая, кто хочет, любя,
Руки подставить.

Анатолий БЕЛИНСКИЙ,
Москва

ВОЗНЕСЕНСКИЙ

От Новоэнска до Ростова,
Весь путь, покуда шёл состав,
В который раз –
во власти слова –
Я Вознесенского читал.

Едва устроюсь – Аве, Оза...
И тонет в сумерках вокзал.
И как скучны метаморфозы,
В то время я ещё не знал.

Вольноотпущенный на сутки,
Вокруг не видя ничего,
Я в те счастливые минуты
Читал его лишь одного.

Во мне стеноло всё и пело:
Вдруг так и я смогу, как знать?
И так поэтом стать хотелось,
Что неудобно вспоминать.

Смеялась Оза... Проплывали
В туманно-сизой полумгле
Донские пойменные дали...
И тихо было на земле.

ИГРА

И сели мы играть...
Она косу отставила устало
И рукава повыше закатала.
А я примерил маску посерьёзней
И был готов ко всем старушьям козням.
Я знал: в игре краплёная колода,
Коса стоит у выхода и входа.
Я понимал, что карты – сон и только.
Меня сдают, но мне не жаль нисколько.
Я понял: буду горло рвать зубами.
Ходи! Твой ход.
И слов не жди с мольбами.
В твоей колоде много козырей,
Ходи с туза, старуха, не робей!
Моя лишь плоть больная на кону.
Мой час придёт, я сам её верну.
Я не закончил все свои дела,
И верх ты надо мною не взяла.
Я всё скажу, что я сказать хотел.
Я допишу всё то, что не успел.
Я обниму всех тех, кого люблю.
И лишь тогда тебе я уступлю.
И сядем мы играть...

Алексей ГЛУХОВСКИЙ,
Баден-Баден. Германия

ЗАПАСНИК

Моя голова – как запасник
набросков и черновиков.
Со слуха записанных наспех
и нерасшифрованных снов.

Хранящихся в памяти чисел,
в которых пропала нужда,
и всех неотправленных писем
(кому, почему и куда?)

На полках соседних гнезятся
столбцы недописанных строк,
они мне ещё пригодятся,
коль свежести выдержат срок.

* * *

Мне снились сны, скользнувшие намёком.
Но все они светлее чёрной яви,
нагрянувшей неистово жестоко...
Где каждый день грозил перстом корявым,
изъеденным болезненной подагрой,
вымудривая козни и преграды,
вымучивая тяжкие болезни,
с которыми обычно не живут...

Но я живу! И прославляю Бога
за то, что вопреки прогнозам грозным
Он подарил мне силы и живучесть,
был рядом, ощущаем, пусть невидим.
Но я-то точно знала: Он – со мной.
И мир казался не таким свирепым,
и осень очаровывала снова,
вновь рифмами мне под ноги ложилась.
И верилось, что я ещё нужна...

О, как хотелось чудом поделиться,
успеть кого-то ободрить в печали,
в дом пригласить, и накормить обильно,
и слово чуткое заботливо найти.
Отбросив страх, как утром – одеяло,
одним движеньем сдёрнув занавеску,
впуская свет в отёкшие глазницы,
шептать в пространство лишь: «Благодарю!»

Алексей ГЕЛЕЙН,

Москва

ШАПИТО

Памяти поэта и кинооператора
Евгения Кряквина

Рыжий – волосы из пакли,
Белый – шёлка волшебство!
...Жил поэт Евгений Кряквин.
Жил да был – и нет его.
Слушал музыку окраин
Иль на двор глядел в окно,

Пил, любил, снимал кино,
Временем смертельно ранен.
В переулке падал снег.
Был иль не был человек?
Человек ушедший, кто вы?
Разбирают шапито.
Белый клоун, рыжий клоун
Обращаются в ничто.
И ни книг, ни кинофильмов —
Незаслуженный покой.
Ветры яростные выли
Над застывшею рекой.
В переулках убран снег.
Так уходит человек,
В землю мёрзлую закован
Иль в обрывки кинолент.
Белый клоун. Рыжий клоун.
Отгремел аплодисмент.

Вероника ГАБАРД,

Лунд. Швеция

ТРИ ВЕСНЫ

Три весны. Одна была полна
Ожиданья... Нестерпимой боли,
Первых почек лопнувших, в неволе
Нераскрытых... Я дошла до дна.

Та, вторая, выдалась стеклянной.
Узники неведомой чумы,
Мы взирали, как в лучах не мы,
А зверьё брело толпою странной.

Третья эта медлит, но глядят
Почки в небо, точные, как выстрел,
И, гадая, что за жребий вызрел,
Я смотрю, как сладко дети спят.

ФАРФОРОВЫЙ ЗВОН

На пагоде пёстрой, в далёком Китае,
Звенит колокольчик, качаясь от ветра.
Фарфоровый звон в небеса улетает.
Как будто у солнца он просит совета.

Небесный дракон этим звукам внимает.
А в лунном саду распускается лотос.
Кто многое видел, тот многое знает:
Любовь – это счастье,
любовь – это пропасть.

Была ли то явь или вновь сновиденье.
Кружит над землёй журавлиная стая.
Я снова пишу. У меня вдохновенье.
А звон колокольчика тихо растаял.

Татьяна ИСАЕВА,

Москва

КУВШИНКИ

Не спится. Реальность с виденьями в ссоре.
Проходят картины потоком:
Неслышно, беззвучно, как тени по шторе,
Байдарка скользит по протокам.

Речушка без имени возле Тарусы,
Трава по теченью – куделью.
Кувшиночный стебель поломан на бусы –
На шее твоё ожерелье.

Кувшинки уходят на дно, как потери
Темнеющих призрачных комнат.
Давнишнее счастье захлопнуло двери,
Теперь я его не припомню.

У СТАРЦА НИКОЛАЯ ГУРЬЯНОВА

Думали – кошка. Назвал старец Липой,
Олимпиада в Москве гремела.
Взяли котёнка маленьким, хлипким –
Сто граммов мурчання и тёплого тела.
Думали – кошка. Всё вышло иначе,
Вымахал кот – вот такая подстава.
Но так и осталось, что имя девчачье
К коту приросло и навеки пристало.
Старец улыбку в устах лишь покоил,
Гладил кота, приговаривал: «Липа.
Божья душа. В нём основа и корни.
Кошек пускают к сиянию Лица».
Однажды по юности, по листопаду,
Кот птицу поймал и как раз в воскресенье.
И Липа вымаливал долго пощаду,
И тёрся о ноги, желая прощенья.
Старец потом говорил проходящим:
«Смотрите, и кот может видеть печали.
Кот понимает! Что ж люди не чаще?!
Хотя бы чуть-чуть зло с добром различали».
Кот Липа мурлыкал в руках Николая,
Щурился, словно он солнце увидел,
И уходила судьбинушка злая,
И забывались все грусти, обиды.
Хотелось молчать, не кричать, не хвалиться.
Кот Липа играл, и улыбка, как должно,
У всех проходящих играла на лицах.
И было легко. И тепло. И надёжно.

Лариса СТРУИНА,

Камбарка. Удмуртия

ЖИЗНЬ МОЯ

Гнутся травы росные,
убегают дни.
Дети наши взрослые,
мы теперь одни.
В полдень солнце летнее
высушит росу.
Жили, не заметили –
старость на носу.

Жизнь моя хорошая
слишком коротка,
разлетелась дешёво,
словно с молотка.
Не исправить прошлое,
юность не вернуть.
Грусть домашней кошкою
прыгнула на грудь.
Давит боль сердечная
иногда во сне.
Где ты, мой не встреченный
всадник на коне?
Колется, но хочется
свежести глотка.
Не хватает прочности,
жизнь так коротка.
Лето. Зелень скошена,
сена аромат.
Жизнь моя хорошая,
сдай чуток назад.

Анатолий ЛЕБЕДЕВ,
г. Екатеринбург

ТОРЖОК

В далёком детстве паутиновом
душа оставила должок.
Есть у кого-то Константиново.
А родина моя – Торжок.

Уже убрали наши домики,
бараки старые снесли.
На кладбище зарыты в холмики
все те, кто в детстве нас спасли.

Но память долгая не ленится
любить родных и вспоминать.
Хотя разобраны поленница,
сарай, и некого искать.

Остался храм голубокупольный,
где я когда-то был крещён.
Почтовый спуск и, словно кукольный,
Мироныч рядом с Ильичом.

И деревянный мост, сцепляющий,
как прежде, берега Тверцы.
Вокзал вечерний, провожающий
уехавших во все концы.

Александр ЛЕБЕДЕВ,
Москва

ПОХОРОНЫ

Весь этот май мы хоронили маму:
прощанье, крематорий и поминки
у нас прошли без видимых истерик.
Сегодня захораниваем урну
на Митинском, где ожидают наши
и маму, и, когда настанет время,
меня, последнего на этом свете,
кто помнит всех, лежащих под плитой.
Хранит гранит моих родных останки,
моей семьи последние остатки.
Хранит и ни хрена не сохраняет...

Эдуард СКОРОХОДОВ,
Санкт-Петербург

ПРОРОЧЕСТВО

Когда прикосновение руки
Любую хворь телесную врачует,
Когда тела и души так близки,
Что могут обойтись без поцелуя,

Когда уже неважно, сколько зим
Свеча горела в ледяном просторе;
Когда за все грехи себя простим,
И нет различий – счастье или горе

Грядущий день приводит за собой,
Как, впрочем, даже в том, грядёт ли ныне,
Ни свет, ни мрак, родная, нас с тобой
На половинки больше не разнимет...

* * *

Неуютной показалась осень...
Словно сшитая не по размеру
На живую нитку, с перекосом,
Полусумасшедшим модельером.

Но красивой. Даже полинялой,
Истончившейся до редких нитей,
Осень хуже выглядеть не стала.
Строже – да. Серьёзней. Деловитей.

Может быть, зима, как свитер белый,
Мягкий и пушистый, крупной вязки,
Обнимающий привычно тело,
Ощутится хюгге... гномьей сказкой...

Только мне в осеннем неуют
Задержаться бы подольше нужно,
Ведь стихи в комфорте почему-то
Не живут. Наверное, им душно...

